

НЕИЗДАННЫЙ

Кругёных

СТИХОТВОРЕНИЯ

1921 - 1952

Алексей Елисеевич Крученых
Сергей Владимирович Кудрявцев
Алексей
Кручёных. Стихотворения.
1921–1952

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74147316
Стихотворения. 1921 – 1952: Гилея; Москва; 2025
ISBN 978-5-87987-335-1

Аннотация

«Алексей Кручёных. Стихотворения. 1921–1952» – издание из серии «Неизданный Кручёных», представляющее подборку стихотворений, созданных поэтом в поздний период творчества. В сборник вошло около 120 текстов, написанных в условиях почти полного исключения из литературной жизни: от ироничных самопрезентаций и дружеских посланий до гротесков и пародий. Эти стихи показывают, как Кручёных продолжал трансформировать язык и форму, переосмысляя футуристические установки. Тексты публикуются по архивным материалам и сопровождаются комментариями и иллюстрациями. Книга раскрывает малозаметный пласт русского

авангарда и будет интересна исследователям, филологам и всем, кто ценит смелые поэтические поиски.

Содержание

От составителя	10
1. Посвящ[ается] худож[нику] Б. Шацману	12
2. Магнит	13
3. Исторический госметр	14
4. Зверекрепостище	16
5. Танк-щебнебийца	19
6. Осень [пиитическая]	23
7. «В утренней станции...»	25
8. «Под вечер...»	27
9. «Придушенный делами...»	28
10. «Пусть беспутница...»	29
11. «Улыбка блуждает...»	30
12. «Бледные лица...»	31
13. «В окружении чёрных теней, преступноватый...»	32
14. Танец мертвечины	33
15. «Неповторная...»	36
16. «Мудрый бром!...»	37
17. Кажись, эпиграмма	38
18. «Познание мира кончилось...»	39
19. Смерч	40
20. Витрины лезут на меня	41
21. «Я был такой весёлый...»	44

«Хватит...»	45
23. 1913 год	46
24. «Стихают страсти...»	47
25. «Блаженство как таковое...»	48
26. «Когда думают...»	49
27. Красавице, которая курила трубку	50
28. «Ужас моих щёк...»	51
29. «С ведьмой синильной...»	53
30. «Наташа, Наташа...»	54
31. Почти басня	55
32. «Я долго соблазнял музку...»	56
33. «Почти Тамара и Венера...»	59
34. «Горел апрель...»	60
35. «Хрипящий автор...»	61
36. «Едут комбайны...»	62
37. «Все мёртвые поэты!..»	63
38. Зверебог	64
39. «Слизь...»	65
40. «По ночам не спят коты...»	66
41. «Проигрыш – кровь...»	69
42. «Проигрыш...»	70
43. Хлам	71
44. «Отрынь глаза от жирных гадов...»	72
45. «Нет, из души не вырвать выкрик зычный...»	73
46. «Замолкни, глупенькая львица!..»	74
47. «И вечно полон суеты...»	75

48. Брюзжание	76
49. «Мир держится на старых трёх лахудрах...»	77
50. «Кажинный день даёшь хоть 10 строк...»	78
51. «Копи энергию...»	79
52. Фрейд	80
53. «Весна или осень?..»	83
54. «О, молодость!..»	84
55. Гроза	85
56. Научные каракули	86
57. «Флавия, Флавия Этресская!..»	87
58. Вариант	88
59. К рис[ункам] Ю. Олеши и Достоевского	89
60. «Сердце...»	90
61. «Скажи – раскрыть...»	92
62. Дневник	93
«После „Про это“...»	94
64. Эпитафия	95
65. «Богиня славы...»	97
66. «Не оттого, что колодой украшен...»	98
67. «Ирина!..»	99
68. «Разлучница...»	100
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Алексей Кручёных

Стихотворения

1921–1952

© Книгоиздательство «Гилея», составление, подготовка
текстов, комментарии и примечания, 2025

* * *

Box 54

От составителя

Третий выпуск неизданных произведений Кручёных представляет его избранные стихотворения «постзаумных» лет. Тексты разбросаны по рабочим тетрадам, скрыты в архивных папках, распределены по разного рода самодельным авторским сборникам. Чаще всего это правленные машинописи и черновые рукописи, иногда это беглые поэтические заметки «для себя», сделанные буквально «одним махом».

По своей тематике и фактуре (любимое слово Кручёных) эти сочинения чрезвычайно разнообразны, они варьируют от воинственных или ироничных самопрезентаций до тёплых любовных исповедей и шутливых дружеских посланий, от миниатюр на литературные темы – до пародий, гротесков и бытовых карикатур, от «адских» фантазмов – до нежных или ядовитых прикосновений к собратьям-поэтам. Впрочем, жанры, формы, краски здесь не всегда подпадают под существующие определения и нередко перетекают друг в друга – Кручёных, как обычно, не особо раскладывается по полочкам.

Большинство стихов не датировано, однако сборник удалось выстроить по некой условной хронологии, ориентируясь прежде всего на годы, указанные на обложках тетрадей и сборников. При подготовке текстов учитывались, по возможности, все авторские исправления и дополнения, в

небольшом количестве случаев расшифровка рукописей является предположительной. Встречающиеся иногда отточия, заменяющие те или иные слова и буквы, принадлежат автору. К сожалению, не все стихи, которые хотелось бы видеть в этой книге, поддались детальному текстологическому разбору. Как и множество сумбурных помет на полях, имеющих характер комментариев или параллельных дневниковых записей, они ждут своих исследователей.

С.К.

1. Посвящ[ается] худож[нику] Б. Шацману

Я отмахал 140 этажей надземных,
Упёрся небом в крышу,
А чернорожий меня тешит
Шершавым языком:
Дальше – жёлтая жижица
С траурными зачёсами —
Не стоит срамиться!
А за ней
Тупорылая
Вдовья лазурь
На каплях¹ Одоля
И блёклые девьи розы
Без единого поцелуя!
А ещё выше,
За проволокой всех кустарников,
Снежные леденцы —
Ду́хов бесплодных
Пища извечная!..

1921 г.

¹ Варианты: порошках; коробках.

2. Магнит

Отсветом угля
Пласты поднимались и реяли сами собой,
Жизнь вызывая из чёрно-графитных костей,
Корча жилы влюблённых!
И днища и мусор и стёкла
Бежали
На праздник сапожных цветов!..
По электро-радиусу
Малевич спускался
В корзинке,
Чтобы пригреть
Молочных Карборундикив!..

3. Исторический госметр

Символистики
нытики
мистики
из старых перин
выколачивают пыль
— аж в лице краска! —
«Ах,
жизнь — волшебная сказка!
Неряшливый водевиль!
Ох, Псишея сложна:
двадцать завязок
тридцать развязок
сверхъестественных бездн,
водоворотов
в тень поворотов
закатно-змеиные ласки!
Засферные щели
какангелы...
Мартобри... мартобри!..
Нет,
только мы
нашли
для «души» аршин,
небу — компресс,

сгинув с лица —

стыдливые краски:

винт...

секунда...

рефлекс.

На метры

психо

комплекс.

История —

цифр

железо, —

и мчимся вперёд

во все

салазки!!!

4. Зверекрепостище (*читается глухим, грубоватым голосом*)

Гóрон —
чёрон,
брат
оврагу,
грязь-карболка
язв дыра
 в груди
 голу – небес!
На рогах
 дымит
 гора!

Это —
ЧРМ
тёмно-крылый
нефтежильный
морный
людорез!..

Он брохочет
в стаде полчищ
что мотором

режут
череп
неба
точат твердь!
Это —
бронне-крепость
экскаватор толпищ
аэро
бэст!..
Ровно в восемь
стрелка восемь
из-за облака карниза
ахнул
сбросил
эпилепсий
левисита
газа корчей
жога
пляски Витта
и безумства
10 000 килограмм!..

В тот же миг
смех
разгул
жуткий рык,
из подвалов заплясали привиденья
на моторах —
мертвецы!

Эйщик

нэпщик грыз банкноты,

выли трубы

взрывы лёгких,

загудела,

в корчах смеха

закатилась,

взвыла площадь:

— За-ху-ху-ху — гу!

скан-чал-ся!

скан —

чал —

ся...

Здравствуй, пуп!

гы-ы-ы!... —

5. Танк-щебнебийца

В. Маяковскому

Обмотанный железной черепицей
щебнедроб
сталеглот
убийца —
ТАНК чижиком плакал
сундучною челюстью юкал
звал маму
и Люлю
рвя телефон
полоскал крахмал
— фу-у-ус —
горящий джинник
разворот
в кровельном цилиндре
гребуший тротуар
челюсть — в щепы
в трубках — щемень
— **ЧРА!** —
сквозь мяхкоти домов
— уюня
уюник
улельник...

– Хе! —
тронулся! —
и дальше!
в сквозь!
куча-чрево
брюшино-грудь
камни урчат
горящем чане!
– Колоннами банк дрожал...
тормашками ёрзая
искусственный Сытин не прочен,
пушки нервнее огня, —
 бежал
 – в клочья! —
 горы —
 зола!

Безногий танк
 впопыхах
 пузом
 сквозь
 шиворот дня
захватывая
 под почву
 ли-чи-ки храмов
швыряя
 предсмертные летучки —
 пах! пах! пах!

В. Маяковский

ДЕНЕВИЦА

В. Маяковскому

Обмотанный железной черепицей

цебнедроб

сталеглот

убийца

ТАНК плакал

сундучном челокотью икал-

звал маму

и Лялю

рвал телефон

полоскал крахмал

-фу-у- ус----

горящий джинник

в кровельном цилиндре

бегущий квартал

ЧРА

сквозь мягкости домов

-уния

униик...

уленьик.....

-хе-

и дальше

в сквозь.

весь-чрево.

брыжино-грудь.

камни урчат

горящем ящике.

Колоннами башки дрожал...

тормашками ерзал

искусственный Сытик не прочел..

пушки нервнее огня-

бежал

Вариант «Танка-щебнебийцы» (РГАЛИ, фонд А. Кручё-
ных)

6. Осень [пиитическая]

Земля просты́ла...
Всё посты́ло...
Меж просты́нь
у постёли
мертвеца —
слёзы, слёзы —
капли пота
журч и журч
в три ручья...
А за стенкой
постный дождик!..
Возле моста
на посту
столб²
стоит пиита,
стонет-стюнет,
нюнет-мюнит,
волосы стриже́-о-от —
между ними рифму
ша-а-ря —
изменила ему Варя!..
И торчали меж торца-а-ми
перепевы без концов...

² Вариант: горб.

Рёбра стыли,
брови в мыле.
Глаза смешны-ы-е.
Всё унылей и
уны-ы-лей
ивуумынь.

3/1 1926

7. «В утренней станции...»

В утренней станции
тишком
влезли
три
Тришкина —
расстрелянный,
умёрший
и живой,
контрабанды
 кулёчек
 волочком.

Контролёр
среди ночи
вскок! —
продирает
левый
глаз,
зайцекущий
мешок
за сапог —
 пик,
 пок,
 пак.

8. «Под вечер...»

Под вечер,
под ласковую
лампы тень —
быть тебе моим подручником,
негритянская Кикимора,
курчавый чёрт
Сергей.
А вокруг
голодной щучкою
щуплый вьётся
шахматист
плюшкинист —
где б слизнуть
поцелуйчика
извилистый
кусочек.
До утра
корёжится
с Серёжей пополам —
в горле опиум,
а на сердце – камфора!

9. «Придушенный делами...»

Придушенный делами
повешеньем пренебрегу
Я не поддамся
хитрости и воровству —
слово-покойничком
с Воронской образиной
Пусть трепыхнусь в Сибирь —
там и подавно
будут зрчайшие стихи
где каждая строка
быстрее фильма
слова —
 в глаз
 гвоздь
Лучше не смотреться
Лучше не знать такого бунта
Вот они, мои озёрн ицы³
Сто сорок пять метров в секунду

³ Вариант: озорванцы.

10. «Пусть беспутница...»

Пусть беспутница,
Но улыбка – детская,
Но когда ей похмельно спится,
Меня стихами
 по голове
 трескает!

11. «Улыбка блуждает...»

Улыбка блуждает
по Москве
беспризорная,
видится ночь кислотная
в окурках —
я же в снега пойду
погружаться
весёлый, как турок,
упрямый и резвый, как детская чурка.
Зажги из слов костры
плясать среди трепотни.

12. «Бледные лица...»

бледные лица
кобур жёлт
марафет милиция
под сердцем бережёт

растворяется в ноздре
порошок
иголочкой через френч —
хорошо

13. «В окружении чёрных теней, преступноватый...»

В окружении
чёрных теней,
преступноватый,
глаза,
как мыши,
шмыгают
вокруг.
Клюёт в похабные картинки
тупую кочкой носа,
соблазняя египтянку,
ту, что сфинксом беззащитным улыбается
на трамвайной остановке
и на костре.
А псих юлит
подложными кредитами,
глаза – мышьи,
тени – пепел,
нос крючком,
а подруга —
белый пепел,
сфинкс, пропевший
над костром.

14. Танец мертвечины

Мокстроты

Сегодня у мёртвых
весёлый бал.

В молчальных подземельях
свечи зажгли,

надели венчальные платья
(чуть потеплее холодной земли),
кружатся в холодных объятьях:

– Эй, музыкант, что ж ты не весел?
Эй, разогрей вальса огнём.

И музыкант ищет самых
беснующих песен,

и музыканта поят вином.

– Ой, ля-ля! – зубами цокнули,
мертвецы пустились в пляс,

в залах с замурованными окнами
муравой обведён каждый глаз.

Пыль из-под туфель куревом вьётся,
Скрипят, скрипят в объятьях позвонки.

Пляшут девушкины⁴ мощи,
цепляясь жениховской руки.

⁴ Вариант: девочкины.

Её причёски тёмной
цветы и фата,
и в ней завьётся томная
облезлая мечта.
Но исплясавшись до изнеможенья
и выдавив десятый пот,
все чувствуют: волнение
их крови не берёт,
бессильны все кокстротты
и вальсы, и пинки,
и хоть нарядны гроты,
ужасен хруст руки,
любовные томленья
отрыжкою летят,
и резь и боль в колене
и тысяча котят.
Они бы жизнь отдали
за час былой весны,
но меркнут, меркнут дали,
кругом упор глухой стены.
И сдавливают плечи
сырой землистый куб,
и вместо нежной речи
укол цианистовых губ,
её причастие смешное —
разлезшийся мокстрот!
И вместо платья⁵ кружевного
облезлый кошкин хвост.

⁵ Вариант: шлейфа.

15. «Неповторная...»

Неповторная —
стала тусклой гнидою,
и сквозь рёбрышки —
пески сыпью видимы.
Бёдра тощие
сплюснуты автобусом,
писком кошачьим
твои финиш-опусы —
тс-с-сс.

16. «Мудрый бром!..»

Мудрый бром! —
пьян наоборот —
учиняет погром,
проникая в рот.
Краски вдрызг!
Лает Парис
и плачет возлюбленный Адонис.

Заодно с молоком
тесный холодок,
лучше всех сыров
и острот
хитрый бром,
подковырный
зуболом —
гром,
гром, гром!

17. Кажись, эпиграмма

Уже 5 лет
Новый Леф
прин-ци-пи-аль-но
зазывает
в свою лавочку.
А в лавочке —
ярлыки
да
одни наволочки.
Товару нет.
Пророчествуя,
вопят про Родченко.
Точка.

18. «Познание мира кончилось...»

«Познание мира кончилось», —
сказал Чужак,
а в частности —
непознаваемо
полезли из мушиных⁶ трещин
Есенин,
справа —
луна через окошко.
Черёмуховым запахом подыкивая,
четырёхста маститых
спорят
о всяческой
цветочной пыли...
Познание мира кончилось
и начинается балдёж.

⁶ Вариант: глушинных.

19. Смерч

Ревёт бескрайний океан,
обжора,

проглотивший

мягкую миногу

«Титаника» и Атлантиду.

Насыщен солью рот,

и фыркает сердито

на берега

утыканной булавками

Европки.

Европка – что ему прошитый шрамами границ вонючий
ёж,

презрень,

микробышей прокисшая квашня!

Он – грозный бык —

рассвирепеет,

унесёт

на мускулистой шее⁷

дымящую дешёвку государств

крахмальный воротник дредноутов...

⁷ Вариант: мускулистых волнах.

20. Витрины лезут на меня

Экстракты «Стар»
артезианские
канализация
там же
утеряна Верочка —
молот коммуны
чудеса в решете
красавец мотоцикл
по дешёвой цене
(оптом)
сложный спец
по болезни продаётся
«Искусство любви»
малина
под буфет
придавил собаку
А из
подворотни
мельком
Верочка
Я бух
её по ряжке
— Знай
Ваньку

Бляшкина

посредника[?] [нрзб.]

А к доктору

пойду во

вторник

и всё каждому расскажу

со всем покончу до среды

21. «Я был такой весёлый...»

Я был такой весёлый,
веселее, чем мог,
а она мне в очи плюнула,
глиста
слюнуля.

«ХВАТИТ...»

ХВАТИТ
ХВА́КТИТ
не лефъте!

23. 1913 год

От продажных штампов
«Огоньков» и «Биржёв[ок]»

обалдел я до того,
что стал рифмовать⁸

театр, корова и танго!

Это меньший вздор,

Чем *сны – весны,*

звезда – бразда,

любовь и кровь —

бесконечная у музыки
борода.

А кроме того, я рычал

(корчился безъязыко),

в Ко с Маяком и Велимиром

мы нагуляли в себе силы

завладеть всем миром,

и было б так, не случись

война.

1928 г.

⁸ На полях вписано со знаком вопроса над фразой (возможно, это авт. коммент.): «И это всё, ч[то] имеете сказать».

24. «Стихают страсти...»

Стихают страсти.
Клонит послеобеденный сон.
Коньяк пахнет вкуснее розы⁹.
Красенький галстук
Из Парижа.
4 подростка в синих
школьных балахонах
семят почтительно вокруг
(Дружеский хлопок по плечу).
Заискивающий взгляд гения
в публику.
И ах,
острота
подобострастная
и всё-таки
Маяковская!

⁹ Вариант: гвоздики.

25. «Блаженство как таковое...»

Блаженство как таковое
требует нежного¹⁰ покоя
ляжем на медведе
и в Тарусу едем
пусть джаз-банд
ворчит
перепонку бьёт
страсти на точиле
капляют керосином¹¹
может эти
коросты слов
будут крупичами
чудеснейших снов

¹⁰ Варианты: солёного; острого; [нрзб.].

¹¹ Вариант: фенацетином.

26. «Когда думают...»

Когда думают:

тут центр

точка

приют

нет это только

фактура

собакой визжит —

её

бьют

27. Красавице, которая курила трубку

Хохлатая
весь день дымит, как фабрика,
в фарфорово-зелёной комнате,
из миниатюрного ротика,
из носика,
ИЗ УШИКА,
ИЗ ГЛАЗИКА,
густеющей
чернеющей
гусеницей
копоть по стенкам размазывается, —
жива курилка,
душа моя – красавица
и трубочница.

28. «Ужас моих щёк...»

Ужас моих щёк
наштукатурен на стене,
на умывальнике —
синева подглазная.
Когда моё сердце тряскою
заболеет,
я буду говорить
совсем тихо,
не двигаясь,
челюстями не лязгая.
Но поршень
 в каналах
 мозга моего
будет ещё язвительней,
как ночь бессонно-страстная
в чёрно-шёлковых шароварах,
стройная, как чурчхела.
О, моя Нинэ!
Сядь рядом!
Бездонно-мохнатые ямы
 твоих глазищ
 будут Сахарой,
сжигающей и выпивающей кровь
 из наших чернильниц.

9/IV 30

29. «С ведьмой синильной...»

С ведьмой синильной
 обведённо-глазой
 долго ли ты проживёшь?
(Маразм, известняк, туберкулёз!)
С дурой слепою,
злостью,
 мокрицею
 харкающей,
дрожащей над бабушкиным
сундуком, —
долго ли ноги протянешь?

30. «Наташа, Наташа...»

Наташа, Наташа,
жуя стихи,
мы будем с тобой непрерывно
5 тысяч лет,
как революция, жить —
и нам ещё малый срок!
Ты была мудрой ещё в Тифлисе
с Игорем,
там, где Кура
корчит свой позвонок,
где ярости пена,
где ни разу ещё поэтам
не щёлкал форсистый курок.
Мы выросли из детских корсетов,
мы выбросились на бугор,
пред нами дороги пряные,
как чурчхела,
и ни за какие котлетки,
духаны, вино
нас не заманишь обратно
в клетку —
где так неприятно
щёлкает затвор.

31. Почти басня

Толстой был глуп —
 он зло смеялся
 над «чистым барином»,
г[осподин] вздумал поработать головой.
Закись масс
самых отсталых,
тупиц крестьян
он отразил.

32. «Я долго соблазнял музку...»

Я долго соблазнял музку,
чтобы надрать мадригал для другой, —
увы!

Ни одна рифма не попадала в лузу,
пусто щёлкал сухой кий
(легче достать масла и мыла!)

Подлиплым стишонком
я был выдан
с обритой ГОЛОВОЙ!..

«Таблица великих поэтов и дряхлых романтиков». 1930
(РГАЛИ, фонд А. Кручёных)

33. «Почти Тамара и Венера...»

Почти Тамара и Венера
страстей эльбрусских —
круговорот
ласкал тебя направо и налево
ласкал я в з... и в рот

34. «Горел апрель...»

Горел апрель...

Тифлис...

Гора Давида...

И жизнь, как стих, курчавилась Курою...

Каким ароматом обдать всё это?

Может, одним стройным словом —

чурчела?..

35. «Хрипящий автор...»

Хрипящий автор,
ты написал
про истоптанный никакими мостовыми
гвоздь,
сапожный чад,
чего никак
нельзя печатать.
Не поймут друзья,
затравит РАПП...
Так падал аэроплан
мордой в кизяк...

36. «Едут комбайны...»

Для 1980 г.

Едут комбайны
пашен крылатых,
сгинула тайна!
Что надо – сжато!
Как по паркету едут комбайны,
тарахтит трактор,
сгинула тайна
труда пахаря,
как погиб император.
Едут комбайны, вспахано 40 га...
Жизнь чрезвычайная.
Греми подошва сапога!..

37. «Все мёртвые поэты!..»

Все мёртвые поэты!
Я здесь один,
раздирающий пуховики,
плюющий на вылощенные паркетные...
Пускай один...
Пускай бедняк...
Обостряют мысль отверженность и злоба.
Поторжествуй, предатель и пошляк,
но ненадолго:
позорно гибнет провокатор
 в щедрости собственного
 гроба!

38. Зверебог

Вся в тёмных космах...
звериная пасть...
Зубастая щека
и человечья снего-грудь¹²
до одури.
Ты сфинкс
или ещё какая-нибудь
фурия?
Тебя хотел бы возлюбить
по-волчьи.
Завой, завой
от зверева любви!..
Излей из груди глин
мазут и кокаин.
Когтями онемевшую глотку разорви...

¹² Вариант: остро-грудь.

39. «Слизь...»

Слизь.

Морг, морг!

Ходячие по ночам мертвецы!

Лишь прикоснёшься их¹³ —
умрёшь!

Жабы? Мало.

Сильней —

гнилой ТУБЕРКУЛЁЗ! Жижж... студень.

Вылощенные подлецы. Хлысты.

Беги напитков их

шагов

и их отравленных речей

и твёрже сталь сгибай

единственных мостов над пропастью,
проглатывающей

пресмыкающихся хлюпиков.

Все мёртвые стихи,

гнилую соску все сосут (пьян).

¹³ Вариант: Когда их прикоснёшься.

40. «По ночам не спят коты...»

По ночам не спят коты,
ирианствуют поэты, —
это голос темноты,
притяжение созвездий.

most in

2D wave
T emota

out genome

coherent

Konu

Набросок «По ночам не спят коты...» и оригинал «Копи энергию...» (РГАЛИ, фонд А. Кручёных)

41. «Проигрыш – кровь...»

Проигрыш – кровь, —
то же самое!..

Позвоночки строчек
нудят, скелет
худой...

Ночь... Где твоё мясо?

Ночь! Не в мочь ночь!

Отдай мой
яблочный сад...

42. «Проигрыш...»

Проигрыш...

Видеть кровь, —

то же самое.

АЗАРТ ПОЗВОНКОВ!..

Самая трепетная песня —

на одной струне,

на заре...

Голод...

Любовь из последних жил...

Матёрой кишкой

крепок наш мужик —

не берёт его распутица,

а пухлая морда

жирного лорда

— скоро, скоро! —

с воплем скапунится...

43. Хлам

Нет сбоку тела твоего,
из слов
хочу создать его нетленнейшую оболочку, —
и в сейф бессмертия.
Когда придёшь — нам будет не до слов,
не до рифмоидов
и пряных закусонов.
Огонь изжарит всё,
зажмёт истоки мудрости
и в угольную корочку
испепелит
хрустальнейшую строчку...

44. «Отрынь глаза от жирных гадов...»

Отрынь глаза от жирных гадов,
уткнися в тихий ерик,
пусть тростниковая питанием прохлада
взнесёт прозрачности уёмов...

45. «Нет, из души не вырвать выкрик зычный...»

Нет, из души не вырвать выкрик зычный.
Расставив ноги на просторе,
Под звуки пышного парного молока
Беременная
выходит Беатриче
С пульверизатором
в руках.

11/III 1931

46. «Замолкни, глупенькая львица!..»

Замолкни, глупенькая львица!
Весенний день прошёл не даром,
Недаром сердце зеленится:
разыскал я три страницы
хлебниковского «Ладомира», —
да здравствует наследия Велимира
остро-грозного
словоударник!..

I/V-31 г.

47. «И вечно полон суеты...»

И вечно полон суеты
твой день и дом —
разврат, бессонный покер, сплетни и ма-джон,
и обессиленный
 под утро
 разрешишься
 трепещущим стихом...

48. Брюзжание

Ты что? Старуха.

Скажи, скольких имела,
заплесневелая слива?

Лысый монастырь.

Я – каждый день новую, иную...

Нет, нет.

Непонятая жизнь моя проволочится
(я должен был изд[ать] стихи в 1 кн[иге]).

Тепляк теперя не поможет...

49. «Мир держится на старых трёх лахудрах...»

Мир держится на старых трёх лахудрах —
уж легче ночи в карты рвать —
вот отчего Володя за... ..

Друзья — гнилая гнида,
чахоточная б...
лживая подлиза.

50. «Кажинный день даёшь хоть 10 строк...»

Кажинный день даёшь хоть 10 строк —
не будешь пропойцей
выйдет прок

51. «Копи энергию...»

Копи энергию

мечты мечем

об одном!

Забудь о цепях цифры

52. Фрейд

I. Насилие

Слуга Григорий держит свечку...
[He] вымолвив словечка,
плюясь,
[в] разодранном белье
она
лежала на столе
раздрч... овечкой.

II. Последняя свобода

Раскрыт блаженный эгоизм.
Оплёваны стесненья святцы.
Глаза сереют жабы...
Омоченные слизью пальцы
 благословляют крест
 прослабленный!..

ФРЕЙЛ

I НАСИЛИЕ

Уга Григорий держит свечку...
вымолвив словечка, плюясь,
разодранном белье.

на [лежала на столе
дрч... овечкой.

II ПОСЛЕДНЯЯ СВОБОДА

Раскрыт блаженный эгоизм.

Оплезаванны стесненны святцы. 48

Глаза сереют жабы...
Омоченные слизью пальцы

благословляют Гросслабленный

Весна или осень ?

В стужу
Шагаю по лужам.

а сердце просит:

—Хочу быть мужем!

Еж, туманно-синей,

развучей англичанки.
В день изнасилованной трижды...

Все остальные — жирные свиньи,

пусть засыхают ресурсы

любовной грыжей.

в грязном ссртрэ...

-----0000000000-----плакучем

«Фрейд» и «Весна или осень?..» (РГАЛИ, фонд А. Кру-
чёных)

53. «Весна или осень?..»

Весна или осень?
В стужу
шагаю по лужам,
а сердце просит:
– Хочу быть мужем!

Её, туманно-сизой,
резвучей англичанки,
в день трижды изнасилованной...¹⁴
Все остальные – жирные свиньи,
пусть распухают
 любовной грыжей
 среди грязных
 сортиров...

¹⁴ На полях приписка карандашом: Пред нею все бледнеют.

54. «О, молодость!..»

О, молодость!

При всякой девичьей оплошности,
при капиллярно-докторском уколе,
ты так проникновенно

и нежно

краснеешь!

Ты не терпишь укоров.

У тебя так много лебяжьей гордости

и так мало

жирно-житейских денег!..

55. Гроза

Будто взрыв газовой колонны,
с тёмных балок,
из закрома зноя,
грузно треснул ГРОМ, —
и упал

к твоим ногам

БЛАГОДАРНЫЙ

ОГНЕДЫШАЩИЙ

ГРОЗОИД.

Приласкай

прозрачную абстракцию —

БОРЗУЮ...

56. Научные каракули

Мозазавр прополз, гремя, как поезд,
искушая трёх лягушек
броситься в зубастую пещеру
дреколевского периода.
И зелёные летуны,
жалобно раскрыв животики,
перемахнули последнюю ступень...

57. «Флавия, Флавия Этресская!..»

Флавия, Флавия Этресская!
Твой дерзкий муж
распятой мухой
виолончелит реквием.
А воспалённые юноши
троекратно руки твои
обвивают поветрием,
страстно заключают договор
на открытие
художественной фотографии.

58. Вариант

(См. «Рубиниада»)

В мусорных кабаках пасмурное ведро
опрокидывает пятнами заржавленное пиво,
трясёт подмоклой бородой,
тычется в ноздри вилкою, —
иные отдыхают так.
А я в любой отпуск,
выходной час
тороплюсь
в холодное Кунцево.

59. К рис[ункам] Ю. Олеши и Достоевского

Заместо огорода —
КОЗЁЛ В БРЕДУ!
Муравьиные рога!
И рядом —
сплошная судорога! —
обезумевший мастер Леонардо
в шамкающих рытвинах рта.
И надо всем —
строгостью возносится
железо-небоскрёбное
копье
кёрки!..

60. «Сердце...»

Сердце —
кровавая Африка,
язык —
джаз-банд, Америка.
Каждый жест —
катастрофа!
С кем бы,
 с кем бы мне
 силу померять?!

Против одного —
100 миллионов,
и это только,
только что норма!
Я и хартия,
я и Закон!
От слова моего —
вижу сожжённым
неприятельский город!
Но горе всем маловерам,
позор,
позор, кто не видит:
до лу-у-ны великан!
Они видят не дальше,

как свой забор,
мозги их
зацарапал
пайковый капкан!

И я плевал
на все их подвохи
и на всю их
рег-ла-мен-тацию!

1932

61. «Скажи – раскрыть...»

Скажи – раскрыть
какие глубины
какого океана
со всеми рыбами¹⁵
неизмеримыми
кишеньем битв,
кувырканием,
какие потопленные сокровища,
чтоб развлекло тебя на миг
живых ромбоидов мельканье
зелёно-водорослевых?

¹⁵ Варианты: дворцами; [нрзб.].

62. Дневник

Я в детстве думал:
цель жизни – это Брюллов,
великий художник,
но жизнь сорвала с него одежды.
Юношей думал:
цель – это Гоголь,
великое мастерство —
Достоевский, Пушкин,
стихи
с последней страстью и воплем.
Но – уже очень поздно! —
узнал, что стих —
это то же, что водка
(прелюдия, подъём!),
а кончается одним —
убийственной любовью,
тоской по Иритину!
Бей же меня, мама, по роже,
Что я изменил Марксу и Майн Риду!

12/VI [1932]

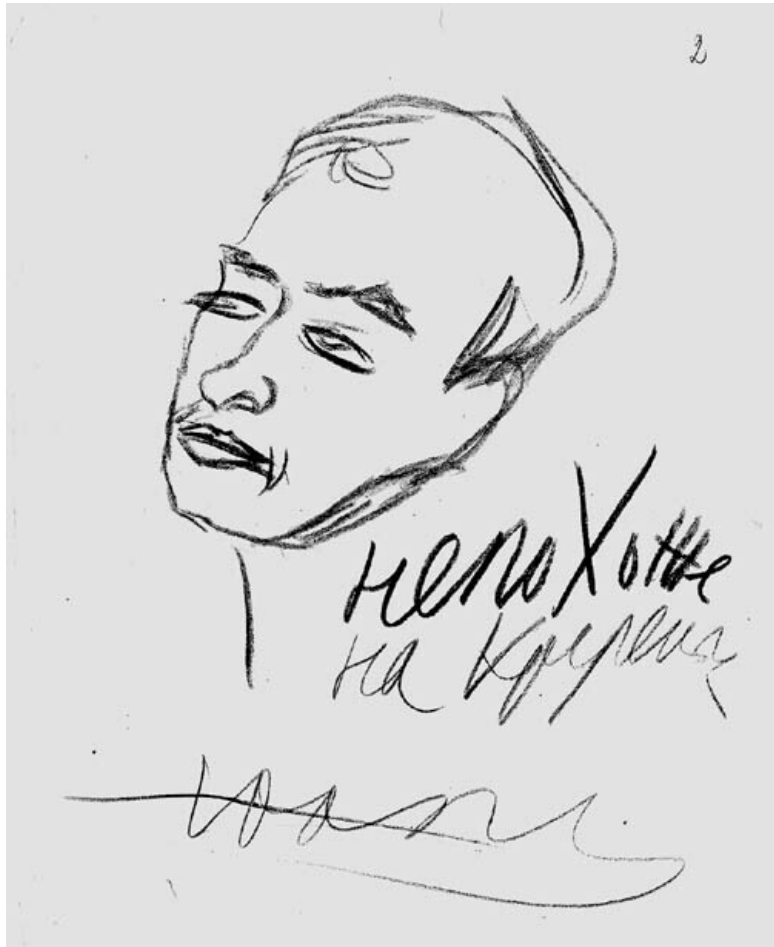
«После „Про это“...»

После «Про это»
не пишут про это
даже самые
паршивые поэты.

64. Эпитафия

Рядом с телеграфом
жил Олэша,
супротив почтамта
жил Алёша...
Вспоминайте, братья рыбы,
об Олеше,
вспоминайте, сёстры птицы,
об Алёше...

[1932 г.]

Ю. Олеша. Портрет А. Кручёных. 1930–1940-е (РГАЛИ, фонд Ю. Олеша)

65. «Богиня славы...»

Богиня славы
мой подвиг слабый
провидит прозорливо.

Как тонкий кустик
скрипит седой мой бюстик
среди сатиров.

Собаки рыщут,
прохожих тыща
его плевками
ОЗАРИЛА!..

66. «Не оттого, что колодой украшен...»

Не оттого, что колодой украшен,
зовётся «колодезь»,
а оттого, что холодной струёй
звонко бьётся *колодезь*.

67. «Ирина!...»

Ирина!

Сквозь щели всех
злокозненных законов

НЕВРИДИМКОЮ,

уколом шприца

я просочусь к тебе.

И запищу, и замурлычу...

Но не про чувства,

чтоб прошуршать о пятилетке,

о будущей войне,

чтоб распрямить коленки

и сквозь туман

(нарыв столетий!)

провидцем быть вдвойне.

Чтоб прошуршать о целом мире,

позабыв про чувства, —

(о них шепчу

в глубоком сне)...

68. «Разлучница...»

Разлучница,
холоднокровная пучеглазая рыба
с острозубым щучьим ртом,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.